Свидание с полковником: сотрудник Центра «Э» глазами участников уличных акций

Сергей Владимирович Белянин [1]

✉ robispre10@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0874-8393

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Ирина Владимировна Козлова [1]

✉ matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Белянин, С. В., Козлова, И. В. (2020). Свидание с полковником: сотрудник Центра «Э» глазами участников уличных акций. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 106–120. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-106-120.

Статья посвящена представлениям участников митингов и пикетов о сотрудниках Центра по противодействию экстремизму МВД (Центра «Э») — «эшниках». В основу статьи легли результаты наблюдений на уличных акциях 2016–2019 годов, интервью с их участниками, а также включенное наблюдение в группах активистов. Наши полевые материалы показали, что для участников митингов и пикетов большую роль играет фигура внешнего наблюдателя. Поскольку требования, с которыми граждане выходят на площади, выполняются крайне редко, люди оказываются вынуждены искать скрытые знаки эффективности своих действий. Таким знаком может служить появление вертолета над протестующими, приезд полиции или внимание подозрительных людей в штатском. Интерпретация знаков требует от участников протеста определенного умения.

Первая часть статьи посвящена образу эшника на уличных акциях, схемам его опознания, нарративам о нем и их прагматике для участников митингов. Вторая часть посвящена тому, как внедренный агент опознается в сообществе активистов. Исследование показало, что если на митингах внедренный агент определяется обычно по внешним признакам, то в сообществе активистов его опознают в большей степени по поведению. Меняются и функции рассказов о нем: если в первом случае они нужны, чтобы обезопасить себя и других от нежелательной встречи, то во втором случае рассказы приобретают дополнительные функции — продемонстрировать умение интерпретировать поступки окружающих или исключить «неприятного» участника.

Ключевые слова: антропология, уличные акции, протест, семиотические идеологии, семиотическая модель, конспирология, Центр «Э»

Работа выполнена в рамках НИР ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе».

Авторы статьи выражают благодарность за консультации и ценные советы Даниле Рыговскому, Михаилу Алексеевскому, Ольге Христофоровой, Александре Архиповой и Александру Панченко. Мы благодарны также нашим коллегам из группы «Мониторинг актуального фольклора», с которыми мы вместе наблюдали уличные акции и писали полевые дневники.

A DATE WITH THE COLONEL: A CENTRE "E" OFFICER THROUGH THE EYES OF STREET PROTESTERS

Sergey V. Belyanin [1]

✉ robispre10@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0874-8393

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Irina V. Kozlova [1]

✉ matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Belyanin, S., Kozlova, I. (2020). A date with the colonel: A Centre "E" officer through the eyes of street protesters. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 106–120. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-106-120.

The articles dwells on perception of the Counter-Extremism Center of the Department of Home Affairs (Centre "E") officers — the *E-men*, or *"eshniki"* — by the participants of rallies and public gatherings. The article is based on observations of street protests that took place in 2016–2019, interviews with the protesters and participant observation in activist groups. Our field materials demonstrated that the image of an external observer is very important for protesters. Due to the fact that the demands of the protesters are very rarely met, the citizens are driven to look for hidden signs of efficiency of their actions. For example, a helicopter flying over a rally, police incoming or plainclothes observers paying suspicious attention to a protest might be perceived as such a sign. Interpretation of these signs requires some skill from the protesters.
The first part of the article dwells on the image of an E-man in street protests, the patterns of recognizing one as such and the pragmatics of the latter with the protesters. The second part covers how an infiltrator into an activist community is exposed. The study demonstrates that while in a rally an infiltrator is usually exposed due to external characteristics, in an activist community one is more likely to be exposed due to one's behavior. The functions of narratives about the infiltrator also change: while in the first case such narratives serve to prevent oneself and others from an undesired encounter, in the second case they accumulate supplementary functions – to demonstrate one's skill of interpretation of others' actions or to exclude an "unpleasant" participant.

Keywords: anthropology, street protests, protest, semiotic ideologies, semiotic model, conspirology, Centre "E"

«Сегодня очень много эшников, как ни стараются они слиться с толпой, их все равно видно»[1]. Такую фразу сказала при встрече одному из авторов статьи политическая активистка Нина на одном из митингов летом 2019 года сразу после приветствия. На уличных акциях 2017–2019 годов нам часто доводилось слышать от участников, что в данный

[1] По материалам полевого дневника наблюдения митинга «Против произвола на выборах», 24 июля 2019 года, Санкт-Петербург. Все цитаты по полевым дневникам — это не точные слова информантов, а наше их воспроизведение в полевой дневник по памяти. Все имена в статье изменены с целью безопасности наших собеседников.

момент где-то рядом с нами стоит эшник[2] и подслушивает или снимает на камеру[3]. Бывало, хотя значительно реже, что и на нас самих, исследователей уличной активности, участники митингов смотрели с подозрением, принимая за сотрудников спецслужб. Сегодня социальные сети и чаты полны фотографий предполагаемых эшников, на митингах появляются плакаты, обращенные к ним (*Илл. 1*), а в независимых СМИ публикуются «откровения» бывших сотрудников центра «Э» [См.: Воронцов 2019, 23 августа]. Да и общее упоминание сотрудников Центра «Э» в прессе за последние три года значительно выросло[4]. Разумеется, мы не отрицаем, что сотрудники центра по противодействию экстремизму ходят на митинги и следят за лидерами оппозиции, однако наше внимание привлекло сходство рассказов об эшниках, услышанных от разных собеседников. В наши задачи не входит поиск реальных агентов спецслужб или доказательств их присутствия или отсутствия в тех или иных случаях. В статье мы постараемся ответить на вопросы: почему разговоры о скрытых агентах власти в последние годы слышны все чаще? Какими признаками руководствуются участники публичных политических акций, чтобы опознать эшника? Каковы общие места таких рассказов и какую функцию выполняют последние в сообществе активистов?

Материал нашего исследования составляют наблюдения и интервью на уличных акциях и в сообществах активистов. Наблюдения проводились на политических, экологических, градозащитных и других митингах и пикетах. Всего мы посетили 208 уличных акций, организованных как политическими партиями (от КПРФ до штаба Навального), так и группами «низовых» активистов (например, зоозащитников или экологов). С 2016 года мы фиксировали в полевые дневники упоминания о скрытых агентах власти вместе с другими наблюдениями, а с июня по декабрь 2019 года записывали интервью, где прямо спрашивали о «признаках» эшника[5]. Разговоры о скрытых агентах мы слышали на разных акциях, независимо от повестки и политических взглядов их участников[6], но представления об «опасном наблюдателе» на акциях в поддержку действующей власти имеют свою специфику, поэтому они остались

[2] «Эшниками» называют сотрудников Центра по противодействию экстремизму, известного также как Центр «Э». Центр «Э» — самостоятельное структурное подразделение полиции, входящее в центральный аппарат Министерства внутренних дел Российской Федерации. Центр «Э» обладает правоприменительными полномочиями в области противодействия экстремистской деятельности и терроризму.

[3] Группа «Мониторинг актуального фольклора» (МАФ), в которой состоят авторы статьи, систематически проводит наблюдения на уличных акциях с осени 2014 года. После каждой акции мы пишем полевые дневники, в которые записываем все, что слышим на уличных акциях. Авторы статьи присоединились к группе в 2016 году. По нашим полевым дневникам в 2016 году упоминаний об эшниках на уличных акциях нет совсем, в 2017 году их два, в 2018 году — пять, в 2019 году — девять. Это без учета тех случаев, когда мы сами спрашивали про эшников в интервью.

[4] Мы посчитали количество публикаций о сотрудниках Центра «Э» по базе Архива СМИ «Интегрум» за последние 6 лет (запрос был сформирован по поиску слов «сотрудник» и «Центр “Э”»). Количество упоминаний с 2014 по 2019 годы оказалось таким: 134, 184, 191, 330, 545, 436. Итак, рост интереса к сотрудникам Центра «Э» очевиден и достигает пика в 2018 году, после чего незначительно снижается. Количество упоминаний приводится без учета роста базы «Интегрума».

[5] В полевых дневниках нами зафиксировано 16 упоминаний эшника на уличных акциях и около 10 упоминаний за пределами акций. Также нами записано 15 интервью с участниками митингов и пикетов.

[6] Мы старались ходить на все уличные акции, анонсируемые на доступных нам ресурсах. Так получилось, что в основном это были акции, воспринимаемые общественностью как акции либеральной и в меньшей степени левой оппозиции. Кроме них мы проводили наблюдения на двух «Русских маршах» и нескольких пикетах в поддержку правых политзаключенных. Надо добавить, что многие акции (например, марши памяти Немцова или митинги против коррупции) объединяют в себе людей разных политических взглядов и партийной принадлежности. Также мы посетили несколько акций в поддержку действующей власти (см. о них в сноске 7).

за пределами статьи[7]. Исследование в сообществах активистов ограничивается включенным наблюдением среди волонтеров Навального, левых и экологических активистов.

Илл. 1. Митинг «Против произвола на выборах» 24 июля 2019 года, Санкт-Петербург, площадь Ленина. Фотография группы МАФ

«А я все вижу»: значение наблюдателя для участников уличных акций

Время от времени горожане выходят на центральные площади, желая заставить власть отменить неправосудный приговор, несправедливую реформу или добиться отставки коррумпированного политика. Согласно перформативной теории собраний Джудит Батлер, граждане собираются в публичном пространстве для того, чтобы «оспорить существующие формы политической легитимности» [Батлер 2018: 151], поэтому исследовательница определяет митинг как перформативное высказывание. Перформатив — это особый тип высказывания, которое может быть успешным или неуспешным (в отличие от других типов, которые делятся на истинные и ложные)[8]. Основная особенность успешных перформативных высказываний — способность изменять окружающую действительность.

[7] Акций в поддержку действующей власти мы наблюдали значительно меньше, чем оппозиционных: два митинга-концерта в поддержку Путина в 2018 году и несколько акций Национально-освободительного движения (НОД) с 2016 по 2019 год. Предполагаем, что среди сторонников власти существуют «свои» представления об «опасном наблюдателе», но этим наблюдателем выступает не эшник, а другой агент: например, агент иностранных спецслужб, что нам часто встречалось на акциях НОД, или представитель неизвестной контролирующей инстанции, которого, вероятно, боялись некоторые участники митингов-концертов в поддержку Путина.

[8] Понятие перформатива было введено в научный оборот лингвистом и философом языка Джоном Остином [Остин 1999: 19]. Дж. Остин выделяет перформативные высказывания в особую группу, противопоставляя их констативам (утверждениям). Джудит Батлер понимает перформативность более широко, чем ее определял Остин, что во многом обусловлено спецификой самого материала.

Для того чтобы понять разницу между успешным и неуспешным перформативным высказыванием, рассмотрим два примера. В июне 2019 года несколько сотен человек вышли на Петровку 38, к зданию Главного управления МВД Москвы, чтобы добиться отмены приговора журналисту «Медузы» Ивану Голунову[9]. Акция не осталась незамеченной властями: приехал полк Росгвардии, появились операторы центральных каналов, с заявлением выступил пресс-секретарь президента. В итоге уголовное дело было пересмотрено, а Голунов освобожден. Пикеты в поддержку журналиста «Медузы» — пример успешного перформативного высказывания.

Пример неуспешного перформативного высказывания — пикет зоозащитников, проходивший в апреле 2018 года у здания Государственной думы вечером буднего дня. Собрание в 30–40 человек не привлекло внимания ни депутатов, ни полиции, ни СМИ[10]. Организаторы извинялись перед пришедшими за то, что собрали всех в неудачное время, встречи с депутатами не получилось. Поболтав между собой, участники разошлись по домам, даже не достав плакатов.

Согласно перформативной теории собраний, для успешного высказывания необходимо, чтобы акция, во-первых, проходила в публичном пространстве, во-вторых, чтобы она была массовой. Но наши наблюдения показывают, что для участников акций важным критерием оценки успешности является наличие реакции власти. Поэтому акция зоозащитников, не замеченная властью, была воспринята ими как неуспешное высказывание.

Внимание к акции хотя бы одного представителя власти (например, полицейского) может служить знаком успешного высказывания. Летом 2019 года мы наблюдали пикет, на который пришло несколько активистов движения «Демократический Петербург», и больше на площади никого не было[11]. Участники медлили с началом пикета, однако, когда они увидели сотрудников полиции, оживились и развернули плакат.

Наличие наблюдателя как показатель успеха митинга или пикета иногда заставляет участников конструировать его фигуру. Например, несколько участников акции против мусорного полигона в Волоколамске вышли с плакатом к стенам монастыря. Их высказывание не могло привлечь внимание реальных наблюдателей и, соответственно, казалось бы, не могло быть успешным. Текст растяжки невозможно было прочесть, а идти к месту пикета нужно было через весеннюю грязь. Однако Валентина, одна из авторов растяжки, сказала, «что когда они ее [растяжку] развернули, выглянуло солнце. Значит, Путин нас услышал»[12].

Возможно, Валентина пошутила, однако ее комментарий хорошо показывает пример конструирования наблюдателя и дает нам повод задуматься о природе знаков, по которым его могут определять. Чтобы разобраться в

[9] Иван Голунов — журналист издания «Медуза», против которого 6 июня 2019 года было заведено уголовное дело о попытке сбыта наркотиков. С середины пятницы 7 июня у здания ГУВД Москвы продолжались одиночные пикеты в поддержку журналиста. В протесте приняли участие сотни москвичей. 11 июня 2019 года МВД России сняло обвинения и освободило Ивана Голунова из-за отсутствия доказательств его вины.

[10] По материалам полевого дневника наблюдения пикета «За принятие закона об ответственном обращении с животными», 12 апреля 2018 года, Москва.

[11] По материалам полевого дневника наблюдения пикета памяти Валерии Новодворской, 12 июля 2019 года, Санкт-Петербург. Пикет проходил у Соловецкого камня на Троицкой площади, которая расположена в стороне от дорог, ее нечасто посещают жители города или туристы. Однако она имеет символическое значение: именно на ней проходит «Возвращение имен» (ежегодно 30 октября) и другие акции памяти жертв политических репрессий.

[12] По материалам полевого дневника наблюдения митинга против мусорного полигона «Ядрово», 1 апреля 2018 года, Волоколамск.

том, в соответствии с какими знаками участники акции оценивают успешность своего высказывания и почему именно с ними, обратимся к теории семиотических идеологий антрополога Вебба Кина. Под семиотическими идеологиями Кин подразумевает базовые представления о знаках и о том, как они функционируют в мире: в частности, считаются ли знаки (в той или иной ситуации, теми или иными людьми) произвольными или непременно рассматриваются как сообщения стоящих за ними агентов, и кто может быть таким агентом [Keane 2003: 419]. Для Кина важно, что трактовка знаков не универсальна, а конвенциональна, как отмечают Александр Панченко и Екатерина Хонинева: «...концепция Кина подразумевает, что семиотическая деятельность обладает социальными и историческими особенностями, и, таким образом, задача антрополога состоит в различении и изучении локальных семиотических моделей» [Панченко, Хонинева 2019: 8]. Вслед за ними мы в своей статье будем активно пользоваться терминами «семиотическая модель» и «интерпретативная схема»[13].

Семиотической идеологией участников акций мы будем считать восприятие митинга или пикета как пространства коммуникации со «значимыми другими» и саму веру в возможность воздействия гражданских активистов на общественно-политическую действительность своими публичными высказываниями. *Семиотическая модель* участников уличных акций требует присутствия наблюдателя от власти, реального или конструируемого, а *интерпретативная схема* — это способ определить, кто именно является агентом власти в каждой конкретной ситуации. Иными словами, семиотические идеологии — это вся система знаков, которой пользуются участники акций, семиотическая модель — это уравнение с некоторым количеством неизвестных, а интерпретативная схема — вариант конкретного решения уравнения. Чтобы оценить воздействие, которое произвел выход с плакатом, участнику акции необходимо научиться находить знаки, явленные, как правило, непрямо и нуждающиеся в толковании[14].

В случае Волоколамска мы видим, что интерпретативная схема Валентины укладывается в рамки семиотической модели участников уличных акций — она ищет знак, что ее высказывание было замечено, и указывает на этот знак собеседнику. Конечно, интерпретация Валентины, которая позволила увидеть наблюдателя в природном явлении[15], вряд ли встретила бы понимание у столичных политических активистов. Однако и участники пикетов в поддержку Ивана Голунова, и зоозащитники, и «Демократический Петербург», и группа с растяжкой в Волоколамске стремятся выйти в то пространство, где, как им кажется, они смогут сделать успешное высказывание. А как определить это место и с помощью каких знаков оценить успешность своих высказываний — каждая из этих групп имеет свои

[13] «Локальные семиотические модели становятся видимыми и доступными для анализа, когда наблюдается конфликтное столкновение интерпретативных схем» [Панченко, Хонинева 2019: 10].

[14] Склонность россиян трактовать поступки как власти, так и противников режима с точки зрения конспирологии изучает Илья Яблоков в книге «Русская культура заговора» [Яблоков 2020]. В основе его исследования лежат материалы СМИ, статьи политтехнологов и политологов. Он рассматривает важность представления о скрытых агентах для политических элит, нас же интересует, как представление об агентах спецслужб реализуется в ситуации уличной акции, как участники митинга ищут, интерпретируют и используют знаки присутствия скрытого наблюдателя.

[15] Такая трактовка хорошо укладывается в рамки традиционной крестьянской культуры. Ср., например, следующий кейс: летом 2019 года жительница д. Ильинское Вологодской обл., Мария, 1946 г. р., рассказывала нам, как она ходила в часовню на Тихвинскую (престольный праздник). Когда она выходила из дома, была ужасная гроза, на середине дороги, когда уже совсем невозможно было идти, Мария встала под крышу заброшенного дома, помолилась, после чего гроза прошла и выглянуло солнце. (По материалам полевого дневника экспедиции группы МАФ в июле 2019 года.)

представления, в зависимости от того, какие интерпретативные схемы выбирают ее участники.

Стоит оговориться, что семиотическая модель участников уличных акций далека от моделей религиозных сообществ, к исследованию которых обычно применяется подход Вебба Кина. Однако нам кажется возможным использовать терминологию Кина, Панченко и Хониневой, поскольку, во-первых, между контактом со сверхъестественными силами и представителями власти можно найти некоторое типологическое сходство, и, во-вторых, потому, что для нас, как и для Кина, значима конвенциональность и функциональность (прагматика) расшифровки знаков внутри сообщества.

Семиотическая модель с другой стороны рамок: поиск агентов врага

Летом 2018 года один из авторов статьи пришел на согласованный московский митинг[16] в футболке с разноцветной надписью «Гопник». Пропускающий через рамки полицейский обратил внимание не на слово, а на цвета, которыми оно было написано, заподозрив в них пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений.

Это показывает, что своя семиотическая модель есть и с другой стороны «рамок». В пространстве митинга футболка с разноцветной надписью становится знаком, за которым могут стоять враждебные агенты (например, условный «Госдеп США»), которые пытаются внедрять в массы «неправильные» ценности.

Таким образом, повседневные предметы, попадая в пространство уличной акции, могут приобретать новое значение[17]. Также может приобретать значение и «подозрительное» с точки зрения сотрудников полиции поведение. Им может стать, например, сам факт появления людей в пространстве несогласованной уличной акции. Ситуация уличной акции заставляет людей с обеих сторон рамок проявлять «семиотическую бдительность», чтобы расшифровать сообщения, которые могут скрываться в вещах (предметный код) или поступках (акциональный код).

Семиотическая модель за рамками: опасный наблюдатель

Как мы уже отметили, семиотическая модель протестующих подразумевает необходимость наблюдателя для того, чтобы акция считалась успешной. В то же время всем известно, что выход на улицу всегда влечет за собой риски: это могут быть задержания, крупные штрафы, прямое полицейское насилие. Кроме того, есть опасность оказаться на фото или видеозаписи сотрудников спецслужб. Страх не беспочвенен, поскольку известны случаи, когда видеозаписи с уличных акций становились причиной проблем по месту учебы, увольнений с работы[18] и даже заведения уголовных

[16] По материалам полевого дневника наблюдения митинга против блокировки «За свободный интернет», 13 мая 2018 года, Москва.

[17] Такое преобразование вещи в знак в определенных обстоятельствах не уникально и происходит по схеме, описанной А. К. Байбуриным: «При вхождении в некоторую семиотическую систему (например, ритуал, этикет) они [элементы “материальной культуры”] осознаются знаками, при выпадении из системы — вещами» [Байбурин 1981: 216].

[18] Например, в декабре 2019 года восемь сотрудников Санкт-Петербургского метрополитена вынудили уволиться из-за того, что они попали на учет Центра «Э» после участия в протестных акциях [Грачев 2019, 12 декабря].

дел[19]. Таким образом, наблюдатель от власти в той же мере опасен, в какой и необходим, и, следовательно, прямого общения с ним допускать не стоит. Чтобы избежать нежелательного контакта, надо научиться узнавать представителя власти среди других людей, оказавшихся на митинге. Наблюдателя легко узнать, если на нем полицейская форма, но участникам известно, что есть и «наблюдатель в штатском», и именно он чаще всего оказывается причиной всех тех неприятностей, которые могут случиться за пределами митинга.

Универсальной интерпретативной схемы, позволяющей опознать эшника, не существует. Умение выявлять агентов власти зависит в первую очередь от вовлеченности в протест: на одном полюсе будут неофиты — участники, которые вышли на акцию в первый-второй раз, а на другом — политические активисты, постоянные участники и организаторы митингов и пикетов. Активисты обычно состоят в непарламентских партиях или движениях, где бывает своя внутренняя жизнь (собрания, кружки), а уличный протест становится для них неотъемлемой частью повседневности. Между этими крайними точками есть множество стадий, проходя которые, участники акций знакомятся с интерпретативными схемами и приобретают опыт освоения семиотической модели. Кроме этого, на интерпретацию может влиять ситуация (митинг, пикет или собрание в штабе), эмоции интерпретатора (тревога, страх) и прагматика разговора.

Семиотическая модель неофитов: освоение

Митинги против реновации, пенсионной реформы или за допуск независимых кандидатов на выборы в Мосгордуму запомнились нам большим, чем обычно, количеством отказов от интервью. Участники часто видели в исследователях группы «Мониторинг актуального фольклора» агентов власти: журналистов-пропагандистов или кремлевских социологов, основная задача которых — исказить ответы и выставить протестующих в негативном свете; или же агентов спецслужб, беседа с которыми может стать причиной политических преследований.

Анна, участница митинга против пенсионной реформы, объяснила отказ опасениями, что мы «используем ее интервью против нее»[20]. Алексей, участник митинга «За честные выборы», убежал от интервьюера, приняв диктофон за электрошокер[21]. Артем, участник «Русского марша», мотивировал отказ от интервью тем, что «мало ли кто здесь [на марше] может его услышать»[22]. Почему Анна, Алексей и Артем принимали спрашивающих за агентов власти?

Акции «Против повышения пенсионного возраста» и «За допуск независимых кандидатов», хотя их разделяет год, имеют общую черту: на них выходило много новых участников. Анна и Алексей, а также вышедший

[19] По видеозаписи было заведено, например, дело на Дмитрия Бученкова, который утверждал, что не был на акции 6 мая 2012 года (участие в массовых беспорядках на которой ему вменялось), — во всяком случае, факт его присутствия там ничем, кроме видеозаписи, на которой мог быть просто похожий на лицо человек, подтвержден не был.

[20] По материалам полевого дневника наблюдений митинга «Против повышения пенсионного возраста», 27 июля 2018 года, Санкт-Петербург.

[21] По материалам полевого дневника наблюдений митинга «За допуск независимых кандидатов», 31 августа 2019 года, Москва.

[22] По материалам полевого дневника наблюдений «Русского марша», 4 ноября 2018 года, Санкт-Петербург.

во второй раз на ежегодное мероприятие Артем не имели богатого опыта посещения уличных акций, общения с журналистами и другими митингующими, поэтому для них то, что они не знают, кто мы такие и зачем хотим поговорить с ними, было достаточной мотивацией для отказа в интервью. Чужими мы казались всего лишь потому, что у нас есть диктофоны и наше поведение (ходить по площадке митинга, фотографировать плакаты и спрашивать о чем-то присутствующих) отличается от поведения протестующих. Недоверие к спрашивающим является следствием тревоги и неуверенности, характерным для новых участников уличных акций. Алексей, Анна и Артем знают, что на митингах бывают агенты власти, которые опасны, но они не знакомы с устойчивыми в кругу активистов интерпретативными схемами. Возможно, они еще познакомятся с ними, если продолжат ходить на митинги — публичная политическая акция является подходящей для этого средой.

Семиотическая модель «опытных» участников уличных акций: владение базовой интерпретативной схемой

«С нами уже ходит эшник. Вон тот в черном свитере, полный такой, с камерой, он снимает на камеру наиболее активных»[23], — сказал одному из авторов статьи знакомый активист Данила на несогласованном шествии. Этот пример иллюстрирует передачу знаний о существовании невидимых агентов власти опытными активистами вновь прибывшим. Указания на эшников на уличных акциях, а также рассказы о встречах с сотрудниками центра «Э» в неформальных беседах помогают новичкам освоить семиотическую модель, которая позволит «узнать» эшника в толпе и избежать нежелательного контакта[24].

Самым простым маркером становится одежда. Участники митинга со стажем сходятся во мнении, что сотрудников центра «Э» выдает особый дресс-код. Так, постоянный участник митингов Дмитрий рассказывал нам о сотрудниках центра «Э»:

> У них такой стиль одежды: они либо в костюме, либо в кожаной куртке, с короткой стрижкой. Ну можно [отличить], да, я сталкивался, просто меня задерживали, когда были протесты против пенсионной реформы, с ними сталкивался[25].

Однажды мы даже слышали выражение «форма эшника», которая включает в себя «спортивный костюм, часы и кепку»[26]. А волонтер штаба Навального Егор «опознал» эшников по «штанам и куртке, которые были не как у всех, обычно так люди не одеваются»[27].

Кроме того, эшник обычно носит с собой определенный набор аксессуаров.

[23] По материалам полевого дневника наблюдений митинга «За допуск независимых кандидатов», 3 августа 2019 года, Москва.

[24] Избегать контакта можно по-разному: можно стараться обходить подозрительных людей стороной, но также одним из способов может быть фотографирование эшника. О таком способе нам рассказывал активист «Бессрочного протеста» Василий: «Сегодня за мной эшник ходил с утра, ну, он так походил, я его на камеру снял, он давай там бегать, прятаться за деревьями, не ожидал, видимо, что я его спалю» (интервью записано в сентябре 2019 года в Санкт-Петербурге). Однако данный способ нейтрализации эшника приемлем только для опытных активистов — чтобы сфотографировать эшника (а также, впрочем, чтобы обходить его стороной), надо сначала научиться узнавать его среди других.

[25] Дмитрий, 53 года, участник митинга «За любого кроме Беглова», 5 сентября 2019 года, Санкт-Петербург.

[26] По материалам полевого дневника с пикетов против дела «Сети», 19 октября 2019 года, Санкт-Петербург.

[27] По материалам полевого дневника наблюдений в штабе Навального, октябрь 2017 года, Москва.

Одним из них является особый тип сумки — «оперативка», по выражению участника пикета в поддержку Павла Устинова[28].

Максим, участник митинга Fridays for future в Санкт-Петербурге, указал нам на эшника:

> Вон, стоит мужчина в синей куртке, с сумочкой такой, такой — ровно под формат А4 сумочка. Вот они обычно так вот выглядят. Темно-синяя куртка, зимой в шапке, летом без шапки и вот сумка такая через плечо, чтобы документы можно было положить[29].

Другим неотъемлемым аксессуаром сотрудника спецслужб в штатском является видеокамера. Именно по камере опознал эшника Данила в примере, открывающем этот раздел. Участник митинга в поддержку Шиеса Александр также рассказывал нам, что эшника можно узнать среди митингующих по камере:

> Ходит-ходит без формы, явно что-то высматривает, делает съемку на камеру. Как правило, на камеру, а не на телефон, что характерно. По-моему, никто больше камерами не пользуется[30].

Как мы видим, опытные участники митингов не только знакомы с семиотической моделью, но и умело используют интерпретативные схемы опознания скрытых агентов власти: сумка, камера, короткая стрижка или синяя куртка становятся в пространстве уличной акции признаками сотрудника центра «Э», иными словами, мы можем сказать, что ими усвоен предметный код опознания эшника. Эти признаки надо суметь вовремя увидеть и правильно проинтерпретировать. Опытные участники на митингах обычно легко идут на контакт с теми, кто согласно их семиотической модели распознается как относительно «свой», то есть не агент власти — будь то другой участник митинга, любопытный прохожий или журналист. Рассказы об эшниках (когда они не спровоцированы интервьюерами) на митинге или пикете служат обычно двум целям: во-первых, научить интерпретации знаков менее опытных участников, чтобы повысить их безопасность, а во-вторых, продемонстрировать свой опыт и свое умение распознавать скрытые знаки присутствия власти.

Семиотическая модель активистов за пределами пространства митинга: знание и использование сложных интерпретативных схем

В феврале 2018 года волонтеры московского штаба Навального готовили листовки с призывами к бойкоту выборов. Они сидели за столом и наклеивали стикеры, обсуждая новые видео Навального, поход в бар на прошлых выходных и перспективы революции в России. При упоминании революции Полина, координатор агитации одного из московских районов, подняла голову вверх и сказала: «Товарищ полковник, спокойно, мы не призываем к революции»[31].

[28] Павел Устинов — актер, задержанный на митинге «За допуск независимых кандидатов» 3 августа 2019 года. В сентябре был приговорен к 3,5 годам лишения свободы. Приговор вызвал волну массовых протестов в Москве и других городах.

[29] Максим, 19 лет, участник митинга «Против изменения климата», 20 сентября 2019 года, Санкт-Петербург.

[30] Александр, 36 лет, участник митинга «Против свалки на Шиесе», 29 августа 2019 года, Санкт-Петербург.

[31] По материалам полевого дневника наблюдений в штабе Навального, февраль 2018 года, Москва.

Этот забавный пример иллюстрирует представления о том, что незримый наблюдатель присутствует в жизни активистов не только на митинге. Реплика, во многом ироничная, все же предупреждает новых волонтеров о том, что встреча со скрытым агентом власти может произойти в любой момент. В жизни политического активиста ситуаций, в которых можно столкнуться с представителями спецслужб, значительно больше, чем у обычного участника митинга: сотрудник может приходить на собрания движения, караулить участников у подъезда, места учебы или работы. Встреча с эшником[32] в повседневной жизни более неожиданна, чем на митинге или пикете, поэтому требует от участников более сложных интерпретативных схем.

Илл. 2. Митинг «Сказочный Пудинг», 12 июня 2019 года, Санкт-Петербург, площадь Ленина. Фотография группы МАФ

Об этом говорят сами активисты. Так, Григорий поделился размышлениями о том, что на уличных акциях «эшники легко узнаваемы» (тут же указав на подозреваемого: «вот тот в черной кепочке»), но в то же время сказал, что когда ему довелось пересечься с сотрудником спецслужб вне уличной акции, это был «нормальный симпатичный парень», которого среди участников пикета было бы не отличить[33].

[32] Стоит оговорить, что внедренный агент, в отличие от ситуации митинга или улицы, не обязательно является штатным сотрудником центра «Э». Здесь мы будем называть их эшниками для единства терминологии, поскольку эти люди штатно или внештатно связаны со спецслужбами, хотя это может быть не только Центр по противодействию экстремизму, но и, например, ФСБ. Внутри сообщества их чаще всего называют «провокаторами», но могут использовать и термин «эшник» в качестве синонима. Мы не заметили, чтобы в сообществе была четкая рефлексия на тему того, на кого работает такой агент: на центр «Э» или на ФСБ.

[33] По материалам полевого дневника наблюдения пикетов против дела «Сети», 19 октября 2019 года, Санкт-Петербург.

На митинге эшник просто наблюдает за участниками, не контактируя с ними, поэтому протестующие могут толковать только признаки, заметные со стороны без личного контакта (в большей степени предметный код). Для собственной безопасности достаточно вовремя опознать эшника и избегать взаимодействия с ним.

В штабе или в лагере активистов ситуация другая: участники постоянно общаются между собой, а внедренные агенты стараются сойти за «своих»[34]. Поэтому активисты интерпретируют не внешний вид, а поступки и особенности поведения (в большей степени акциональный код). Так как поведение человека не статично и меняется в зависимости от ситуации, освоить его интерпретацию значительно сложнее. Например, Николай, участник лагеря на станции Шиес, рассказал, как распознать эшника, приехавшего в лагерь:

> Как стоит, как ходит. Когда... какое-то внезапно что-то происходит — крик там, стук, что-то уронили — все на это обращают внимание, а он не обращает внимания, потому что играет роль[35].

Слишком большое рвение человека, как и неучастие в делах группы, тоже может восприниматься как знак работы на центр «Э». Волонтер московского штаба Навального Семен рассказал, что к ним уже пытались внедриться несколько эшников: «Их видно сразу, они пытаются сразу взяться за дело и активно агитировать, предлагают напечатать листовки»[36].

Именно умение распознавать скрытое присутствие агентов власти отличает опытного активиста от простеца, способного заметить только внешние признаки эшника. Навык узнавать эшников может быть полезен для безопасности всего сообщества. Участники московской «Бессрочки»[37] выработали систему «фейс-контроля» для желающих присоединиться к движению. Система была устроена следующим образом: участник, который хотел прийти в лагерь, должен был написать в чат движения в «Телеграм», ему назначали встречу с опытным активистом, который «умеет различать эшников»[38]. Если опытный активист распознавал новенького как «не чужого», то его приглашали в лагерь или на акцию.

«Фейс-контроль» для желающих присоединиться к движению — это редкий случай, не характерный для большинства групп активистов, однако «странное» поведение или «подозрительный» внешний вид может стать причиной исключения из любой группы.

Так, Владимир рассказывал о мужчине, угощавшем «бессрочников» молочными коктейлями в лагере: «Ну, обычный был мужик… просто с барсеткой. Возможно, он не был эшником, но одна активистка решила, что он оперативник, и его буквально выгнала»[39]. Мы не знаем, был ли «мужик с

[34] Илья Яблоков отмечал тенденцию искать скрытых агентов среди «своих» как характерный и давний признак российской оппозиции, который приобрел новый взлет после 2011 года: «Политическая жизнь после 2011 года стала несколько активнее, традиция искать в своих рядах провокаторов также возродилась» [Яблоков 2020: 312].

[35] Николай, ок. 35 лет, участник палаточного лагеря против строительства мусорного полигона на станции Шиес в Ленском районе Архангельской области.

[36] Семен, 31 год, волонтер штаба Навального, Москва.

[37] «Бессрочный протест» («Бессрочка», не путать с «Экобессрочкой») — группа активистов в Москве, возникшая после протестов против пенсионной реформы в сентябре 2019 года. Активисты движения известны ежедневными акциями и ночевками в московских парках. Группы активистов «Бессрочного протеста» вслед за Москвой появились еще в нескольких российских городах.

[38] Владимир, 22 года, активист «Бессрочного протеста», Москва.

[39] Владимир, 22 года, активист «Бессрочного протеста», Москва.

барсеткой» эшником: возможно был, но, может быть, активистка просто ошиблась. Возможно также, что этот ее поступок был проявлением личной неприязни или демонстрацией своей компетенции в распознавании агентов спецслужб. Для нас важно, что в данном случае в умении опознавать эшника мы можем заметить новую функцию: владение интерпретативными схемами позволяет укрепить свой авторитет в сообществе, а также управлять не только своим поведением, но и влиять на решения группы[40].

В группе активистов семиотическая модель работает зеркально по сравнению с ситуацией митингов. На митинге любой, кто опытными участниками не распознается как эшник, автоматически считается «своим». В партии или движении наоборот — каждого, кто не опознан как «свой», подозревают в том, что он эшник. Если участники замечают, что человек не разделяет нормы и ценности движения, то, вероятно, они заподозрят, что он пришел в сообщество со злым умыслом. Может показаться, что восприятие «чужаков» участниками партии или движения ближе к восприятию неофитов, чем опытных участников, однако за ними кроются разные механизмы. Подозрительность неофитов обусловлена незнанием интерпретативных схем, подозрительность активистов — пониманием сложности этих схем и включением в них не только предметного, но и акционального кода.

Для опознания эшника на публичной политической акции достаточно усвоить предметный код, а для поиска внедренных агентов необходимо владеть набором интерпретативных схем, включающим и предметный, и акциональный код. Однако умение «различать эшников» все-таки не «дар свыше», а качество, которое можно развить, если слушать рассказы опытных активистов и самому внимательно присматриваться к людям. А функциональность рассказов об эшниках в сообществах активистов намного разнообразнее, чем на митингах.

Заключение

Горожане, вышедшие на улицу на несколько часов, становятся сообществом. Это сообщество объединяют общие семиотические идеологии, позволяющие верить в возможность воздействия своими перформативными высказываниями на общественно-политическую действительность. Поскольку видимые результаты воздействия на действительность (выполнение предъявляемых требований) случаются крайне редко, то участники митингов ищут скрытые знаки эффективности своего высказывания. Признак эффективности высказывания — внимание власти: это может быть вертолет (в котором, по слухам, летает сам Путин[41]), уполномоченные в форме (полиция) или без формы (агенты центра «Э»).

В рамках семиотической модели, предполагающей присутствие наблюдателя от власти, эшник является частным случаем. Кроме того, что его появление является знаком успешности акции, встреча с ним на самом деле

[40] Похожие механизмы поиска скрытых агентов власти отмечал также Денис Волков в статье о жизни в лагере «ОккупайАбай» в 2012 году: «Обвинения в “провокаторстве” нередко использовались участниками лагеря для дисквалификации своих оппонентов или просто людей противоположных взглядов» [Волков 2014: 169].

[41] Легенды о Путине, наблюдающем за участниками с вертолета, описаны в докладе М. Д. Алексеевского «Полицейский вертолет и психотронное оружие: новая жизнь советской городской легенды» (Круглый стол «Синий кит против фей-убийц: как конструируется опасность», Москва, РАНХиГС, 8 апреля 2017 года).

опасна. Массовые задержания на антикоррупционных протестах 2017 года или митинги за допуск кандидатов в Мосгордуму в 2019 году хорошо иллюстрируют риск контактов с агентами власти как в форме, так и без нее[42]. После массовых протестов 2017 года выросло внимание к сотрудникам центра «Э» в СМИ, а в 2018 г. их дополнило освещение «дел» «Сети» и «Нового величия», в основу которых предположительно легли показания внедренных сотрудников спецслужб.

По материалам наших наблюдений, мы можем сказать, что существует ограниченный набор интерпретативных схем, которые позволяют назвать того или иного человека сотрудником центра «Э»; интерпретации происходят на основании предметного или акционального кода. Предметный код наиболее простой и знаком почти всем участникам уличных акций с некоторым опытом: барсетка, камера, короткая стрижка, вариативно он может дополняться другими элементами гардероба. Если подумать над причиной описаний внешнего вида эшника, то мы увидим, что участники акций описывают его одетым так, как не стали бы одеваться сами. «Дресс-код» эшника показывает его чуждую социальную природу. Этот код хорошо работает для опознания эшника на митингах, но недостаточен для поиска внедренного агента в группе активистов. Для поиска агента в партии или движении основным кодом становится акциональный. Акциональный код более вариативен: единственное общее место нарративов о поведении — это то, что оно противоречит негласным нормам сообщества, но привлечь внимание это может не сразу. Предметом обсуждения такое несоответствие, как правило, становится в нескольких случаях: в ситуации повышенной опасности; когда оно прямо противоречит нормам, принятым в группе; если это выгодно обвинителю.

Таким образом, рассказы об эшниках на митинге или в группе активистов выполняют несколько функций: передать знания товарищам, чтобы уберечь их от опасности; приобрести символический капитал, умело интерпретируя поведение окружающих; исключить из группы неприятного человека или просто поддержать коммуникацию в сообществе[43].

Литература

Байбурин, А. К. (1981). Семиотический статус вещей и мифология. *Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. 37*, 215–226. Л.: Наука.

Батлер, Дж. (2018). *Заметки к перформативной теории собраний*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Волков, Д. (2014). «ОккупайАбай» — уличный протестный лагерь в Москве в мае 2012 года глазами его участников. *Вестник общественного мнения, 117*(1–2), 155–197.

[42] В частности, о «Московском деле» в русскоязычной Википедии говорится: «Уголовное дело из-за массовых беспорядков завели 27 июля 2019 г. в отношении Евгения Коваленко, который после броска урны был задержан оперативником Центра "Э", работавшим на мероприятии в штатском» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Московское_дело].

[43] В процессе написания статьи мы много спорили, обвиняя друг друга, с одной стороны, в апологетике активизма и субъективной точке зрения, а с другой, в бездушном колониализме (думаем, что коллеги и знакомые легко догадаются, кто кого в чем), кое-как мы пришли к компромиссу и написали эту статью. Мы хорошо понимаем, что участие в митинге всегда является, с одной стороны, публичным высказыванием гражданской позиции, с другой — это индивидуальное переживание каждого из участников. Мы благодарим всех наших собеседников и надеемся, что никого не обидели своими интерпретациями или вырезанием слов из контекста.

Воронцов, В. (2019, 23 августа). Что сотрудники Центра «Э» делают на митингах? Почему они все одинаковые? Откуда берутся дела за репосты? Отвечает бывший сотрудник подразделения Владимир Воронцов. *Meduza*. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2019/08/23/chto-sotrudniki-tsentra-e-delayut-na-mitingah-pochemu-oni-vse-odinakovye-otkuda-berutsya-dela-za

Грачев, М. (2019, 12 декабря). Как в «Петербургском метрополитене» нашелся рычаг давления на желающих митинговать и пикетировать. *Фонтанка.Ру*. Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2019/12/09/117?recordId=%2F2019%2F12%2F09%2F117%2F&regionId=478

Остин, Дж. Л. (1999). *Избранное*. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Панченко, А., Хонинева, Е. (2019). «Семиотические идеологии», медиальность и современная антропология религии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, *37*(4), 7–18.

Яблоков, И. (2020). *Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве*. М.: Альпина Нон-Фикшн.

Keane, W. (2003). Semiotics and the social analysis of material things. *Language & Communication 23*(3–4), 409–425.

References

Austin, J. L. *Selected works*. Moscow: Idea-Press, Dom intellektual'noy knigi. (In Russian).

Baiburin, A. (1981). Semiotic status of objects and mythology. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnology* (37), 215–226. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Butler, J. (2018). *Notes toward a performative theory of assembly*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

Grachev, M. (2019, December 12). How St. Petersburg Metro found out a way to pressure potential protesters. *Fontanka.ru*. Retrieved from https://www.fontanka.ru/2019/12/09/117?recordId=%2F2019%2F12%2F09%2F117%2F&regionId=478 (In Russian).

Keane, W. (2003). Semiotics and the social analysis of material things. *Language & Communication 23*(3–4), 409–425.

Panchenko, A., Khonineva, E. (2019). "Semiotic ideologies", mediality and contemporary anthropology of religiom. *State, religion and church in Russia and abroad, 37*(4), 7–18. (In Russian).

Volkov, D. (2014). "Occupy Abay" — Moscow street protest camp in May 2012 through the eyes if its participants. *Herald of Public Opinion, 117*(1–2), 155–197. (In Russian).

Vorontsov, V. (2019, August 23). What do Center "E" officers do at the rallies? Why do all of them look the same? Where do criminal cases for reblogs come from? Ex-officer of the branch Vladimir Vorontsov gives the answers. *Meduza*. Retrieved from https://meduza.io/feature/2019/08/23/chto-sotrudniki-tsentra-e-delayut-na-mitingah-pochemu-oni-vse-odinakovye-otkuda-berutsya-dela-za (In Russian).

Yablokov, I. (2020). *Russian conspiracy culture. Conspiracy theories in the former Soviet Union*. Moscow: Al'pina Non-Fikshn. (In Russian).